

Сергей Сергеев

ПОЧЕТНОЕ место Белинского, создателя русской литературной критики, в истории отечественной словесности закономерно и бесспорно. Но приходится признать, что он нынче — вполне археологическая фигура. Никто уже не молится его «многострадальной тени», никто перед именем его не преклоняет колен. Его даже перестали ругать. Им просто пренебрегают. И, естественно, не читают. Проистекающим отсюда элементарным невежеством и объясняются разного рода мифы вокруг Виссариона Григорьевича.

Один из них — миф об «антипатриотизме» Белинского, весьма популярный в тех кругах, где слово *западничество* воспринимается как синоним слова *предательство*. Десять лет назад я опубликовал в одной шибко патристической газете статью о Лермонтове, в текст которой мой редактор, ничтоже сумняшеся, сделал небольшую, но существенную вставку, и Белинский из просто «западника» превратился в «западника и русофоба». Пользуясь случаем, хочу искупить свой невольный грех перед памятью великого критика.

Когда читаешь Белинского без предубеждения, удивляешься не тому, что он время от времени поругивает Отечество (какой же русский не любит этого занятия!), а тому, насколько он мягок и снисходителен к нему. Пушкин, Гоголь, Достоевский куда суровее, а уж по сравнению с Леонтьевым и Розановым «неистовый Виссарион» — решительно «лакировщик». А дело в том, что предмет обличений Белинского — не изъяны национального характера (как у тех же Леонтьева и Розанова), а плохие общественные порядки, низкий уровень образования, глупость начальства и прочие внешние условия, искажающие изначально якобы прекрасную натуру русского человека. Перед нами типично просветительский взгляд на мир, следствием коего и явился беспросветный оптимизм великого критика в отношении соотечественников. Наиболее откровенно он излил свои русофильские восторги в письме Василию Боткину от 8 марта 1847 г.: «Я — натура русская. Скажу тебе яснее: je suis un Russe et je suis fier de l'être (я — русский и горжусь этим. — С.С.). Не хочу быть даже французом, хотя эту нацию люблю и уважаю больше других. Русская личность пока — эмбрион, но сколько широты и силы в натуре этого эмбриона, как душа и страшна ей всякая ограниченность и узость! Она боится их, не терпит их больше всего, — и хорошо, по моему мнению, делает, довольствуясь пока ничем, вместо того чтобы закабалиться в какую-нибудь дрянную односторонность».

Легко заметить, что взгляд Белинского устремлен прежде всего в русское будущее, представлявшееся ему исключительно светлым и великим. Патристический экстаз наполняет его статьи не только периода «примирения с действительностью», но и последних лет жизни: «Наше политическое величие есть несомненный залог нашего будущего великого значения и в других отношениях... В будущем мы, кроме победоносного русского меча, положим на весы европейской жизни еще и русскую мысль... Не любя гаданий и мечтаний и пуше всего боясь произвольных, личных выводов, мы не утверждаем за непростительное, что русскому народу предназначено выразить в своей национальности наиболее богатое и многостороннее содержание и что в этом заключается причина его удивительной способности воспринимать и усваивать себе все чуждое ему; но, смею думать, что подобная мысль, как предположение, высказываемое без самохвальства и фанатизма, не лишена основания...» (1846).

Нет, в *русофобии* Белинского обвинить трудно. Зато легко упрекнуть в *ксенофобии*. Его отзывы о других народах, мягко говоря, не

Виссарион Белинский.
Рисунок Кирилла Горбунова. 1838.

«НЕ ХОЧУ БЫТЬ ДАЖЕ ФРАНЦУЗОМ...»

Виссарион Белинский как основатель либерального национализма в России. К 190-летию со дня рождения

всегда корректны. Особенно доверяется азиатом. Китайцы, например, по его уверению, «представляют карикатуру, пародию на человечество...». Конечно, Виссарион Григорьевич и близко не подвезжал к границам Поднебесной империи, однако ж, эта страна для него — символ косности и застоя. Но зато великий критик воочию увидел Крым. И вот как он описал свое первое впечатление от местных жителей: «Въехавши в крымские степи, мы увидели три новые для нас нации: крымских баранов, крымских верблюдов и крымских татар. Я думаю, что это разные виды одного и того же рода, разные колена одного племени: так много общего в их физиономии». Не испытывал симпатий Белинский и к вольнолюбивым народам Кавказа: «Черкес, плен и мучительное рабство — для меня синонимы. Эти господа имеют дурную привычку мучить своих пленников и нагайками сообщать красноречие и убедительность их письмам для разжалобления родственников и поощрения их к скорейшему и богатышему выкупу. Черт с ними!» — возмущался он, побывав в Пятигорске. Чувствуется иногда у Белинского огульный антисемитский душок: «Недаром все нации в мире, и западные и восточные, и христианские и мусульманские, сошлись в ненависти и презрении к жидовскому племени: жид — не человек; он торгаш par excellence».

Не жаловал «неистовый Виссарион» и братьев-славян, в особенности самых ближайших наших родственников. В рецензии на «Историю Малороссии» некоего Маркевича он недвусмысленно заявляет, что малороссы не способны «к нравственному движению и развитию», что они не подпустили бы «к себе цивилизацию ближе пушечного выстрела», и, только «слившись навеки с единокровною ей Россиею, Малороссия отворила к себе дверь цивилизации, просвещению, искусству, науке, от которых дотле непреходимою оградой разлучал ее полудикий быт». С нескрываемым презрением

он говорил великий критик о поэзии Тараса Шевченко (см. его издательский отзыв на поэму «Гайдамаки»). Впрочем, личность «кобзаря» вызывала у него еще меньше симпатий, чем его поэзия: «...Здравый смысл в Шевченко должен видеть осла, дурака и пошлеца, а сверх того, горького пьяницу, любителя горелки по патриотизму хохлацкому. Этот хохлацкий радикал написал два пасквиля — один на Государя Императора, другой на Государыню Императрицу. ... Шевченку сослали на Кавказ солдатом. Мне не жаль его, будь я его судьей, я сделал бы не меньше». В том же письме Павлу Анненкову, откуда взята вышеприведенная филиппика, Белинский допускает еще один украинифобский пассаж: «Одна скотина из хохлацких либералов, некто Кулиш (экая свиная фамилия) ... напечатал историю Малороссии, где сказал, что Малороссия или должна отторгнуться от России, или погибнуть. ... Вот что делают эти скоты, безмозглые либералишки. Ох эти мне хохлы! Ведь бараны — а либеральничают во имя галушек и вареников с салом!»

Парадоксально, но эти полурасистские эскапады продиктованы именно *западничеством*, *европоцентризмом*: все, что не вписывается в европейский стандарт — «нецивилизовано», неисторично и непродуктивно. Стоит отметить, что такого рода выходы совершенно не свойственны русским традиционалистам, будь то Константин Аксаков, Аполлон Григорьев или Константин Леонтьев, искренне любовавшимся самобытностью всякого народа. Однако, как ни странно, ксенофобия «неистового Виссариона» распространялась и на те нации, которые он сам же считал средоточием цивилизации.

Некоторые из «антизападных» выпадов Белинского основаны на чисто книжных впечатлениях. Так, прочитав несколько романов Фенимора Купера, он тут же «поныл» стихии североамериканских

обществ: моя застоявшаяся кровь кипела от негодования на это гнусно-добродетельное и честное общество торгашей, новых жидов, отвернувшихся от Евангелия и признавших Старый завет. Нет, лучше Турция (так! — С.С.), нежели Америка ...» Но обещание с реальным Западом во время заграничной поездки только ухудшило мнение Белинского об «исторических» народах. «Что за тупой, за пошлый народ немцы ... — жалуются он Боткину. — У них в жилах течет не кровь, а густой осадок скверного напитка, известного под именем пива, которое они лупят и наяривают без меры». Даже милая сердцу Виссариона Григорьевича Франция разочаровала его: в ней «все мелко, ничтожно, противоречиво; нет чувства национальной чести, национальной гордости ...» Круг замкнулся — «цивилизованные нации» оказались немногим лучше «нецивилизованных». И стало ясно: *западник Белинский по-настоящему любил только свой народ*.

Надо сказать, что «беспочвенность» нашего героя, о которой любил говорить Розанов, сильно преувеличена. Достаточно сравнить отзывы Белинского о двух путешествиях, предпринятых им в конце жизни: по России (1846) и по Европе (1847). В первом случае его раздражает только плохая погода, а так — все даже очень неплохо: в Калуге — не скучно,

Есть вопрос, от ответа на который Белинский явно уклонился: а в чем же состоит самобытное содержание русской жизни? Великий критик предпочитал «не думать об этом сегодня», ведь были более неотложные дела: отмена крепостного права, просвещение «широких народных масс», строительство железных дорог... Ум Белинского, слишком конкретный, *практический*, не сумел создать и подобия разработанной и ясной идеологии. И здесь он крупно проигрывал славянофилам с их стройной и внутренне непротиворечивой схемой. Но, с другой стороны, именно теоретическая девственность вкупе с сильным природным здравым смыслом позволяла ему судить о некоторых вещах гораздо вернее своих оппонентов. Белинский с удивительной точностью подметил слабое место славянофильства — идеализацию простонародья как «настоящего народа», единственного хранителя национального духа, и отрицание определяющей роли политической и культурной элиты в историческом развитии. «... Один народ, — подчеркивал критик, — разумея под этим словом только людей низших сословий, не есть еще нация: нацию составляют все сословия. ... Без ... высших сословий, которым обеспеченное положение и присвоенные права давали возможность обратить свою деятельность на предметы умственные, народы навсегда остались бы на первобытной степени их патриархального быта ...» Белинский, по сути, предвосхищал позицию Николая Бердяева в споре с «народопоклонствующей» интеллигенцией начала XX в.

Принципиально и еще одно противоречие между Белинским и славянофилами. Виссарион Григорьевич при всех разногласиях с друзьями-западниками оставался безусловным либералом, и главной ценностью для него была *личность*, а не *община*, как у славянофилов. Естественно, перед ним встала проблема соединения двух столь дорогих ему идей: идеи нации и идеи личности. «... Личность вне народа есть призрак, но и народ вне личности есть тоже призрак. Одно обуславливается другим. Народ — почва, хранящая жизненные соки всякого развития; личность — цвет и плод этой жизни. Развитие всегда и везде совершалось через личность...» Перед нами беглый набросок *первой попытки либерально-национального синтеза в отечественной мысли*. Белинский подошел к нему так близко не потому, что был большим философом (философской оригинальностью он не мог похвастаться), а потому, что обладал редким даром до болезненности остро чувствовать как личностное, так и национальное начало, которые у него никогда не противопоставлялись, а сливались в единое неразрывное целое.

Это прозвучит неожиданно, но факты свидетельствуют, — национализм в России сформировался именно в западнической среде. Иначе и не могло быть: традиционалисты — от Хомякова до Леонтьева — ставили во главу угла не этническую, а религиозную доминанту. Поэтому не случайно, что Михаил Катков был близким другом Белинского и восторженным англоманом. Не случайно крупнейший идеолог русского национализма Михаил Меншиков вышел из умеренно либеральных, а отнюдь не славянофильских кругов. Не случайна и знаменитая фраза Петра Струве: «Я западник, и, следовательно, националист». Все они в гораздо большей степени — наследники «неистового Виссариона», чем Добролюбов или Чернышевский.

Сегодня либерально-национальный синтез снова востребован. Будет ли он успешен? В прошлом ему не удавалось стать серьезной политической силой как раз из-за своего иноземного происхождения. Будущее нашего либерального национализма — в наполнении его культурно-исторической традицией. Но останется ли он тогда либеральным, вот в чем вопрос?

«Одесса ... очаровательный город», «Симферополь ... очень миленький городок», и если бы не жалобные письма жены, ему «было бы весело». Совсем другой тон в отношении Запада. Дрезден — город «дрянной и скучный»; живописные места «Саксонской Швейцарии» «скоро мне надоело, как будто я знал и выучил их наизусть давным-давно»; отправляясь в Париж, он знает «вперед», что будет «там скучать». Вообще: «Скука — мой неразлучный спутник, и жду не дожусь, когда ворочусь домой». Анненков с удивлением вспоминает, что Белинский за границей «не видел ни памятников культуры, ни самодельного творчества природы ... и стоял перед ними часто немой, рассеянный, видимо, поглощенный совсем другой и чуждой им мыслью. ... Он не раз спрашивал у друзей, в самом ли деле необходимы для цивилизации такие громадные, умопомрачающие центры населения, как Париж, Лондон и др.» Видимо, жил в глубине души Виссариона Григорьевича закоренелый, неиставимый великорусский провинциал, мальчик из города Чембар Пензенской губернии. Невозможно представить Белинского в роли эмигранта, которую столь ярко и талантливо разыгрывал его друг Герцен. *Кровная любовь к своему* упрямо пробивалась сквозь головное западническое «белого генерала русской интеллигенции». А впрочем, может быть, национализм и есть подлинное западничество?

Аполлон Григорьев был уверен, что проживи-де великий критик еще два года — он обратился бы в славянофила. Поздний Белинский действительно признал правоту некоторых славянофильских идей. «...Настало для России время развиваться самобытно, из самой себя», — под этим призывом своего главного противника могли бы подписаться и Хомяков, и Киреевские, и Аксаковы. Но, при всем при том, грань между ними так и осталась непреодоленной и вряд ли бы была преодолена.